

№ 48 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Июнь, 2016

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

РОССИЙСКИЙ ИСЛАМ В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Ахмет Ярлыкапов

Об авторе:

Ахмет Аминович Ярлыкапов

*К.ист.н., старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
МГИМО МИД России, Россия*

*Данный текст отражает личное мнение автора,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Ислам в России – одна из четырех традиционно распространенных на ее территории религий. В отличие от многих европейских стран, где доля исламского населения прирастает за счет мигрантов, сообщества российских мусульман являются исконными, имеют четкую географическую привязку и глубокие этнические традиции. В числе таких сообществ – татары, второй по численности народ Российской Федерации, башкиры, крымские татары, народы Северного Кавказа, а также представители народов Средней Азии и Казахстана, находившихся долгое время в орбите «большой России». Несмотря на то, что основные центры исламской религии расположены за пределами России, мусульманская община нашей страны, за исключением периода целенаправленного подавления религии в СССР, никогда не представляла собой глубокую провинцию исламского мира. В целом и Поволжье, и Крым, и Северный Кавказ развивались динамично и самобытно, не теряя при этом связей с Ближним Востоком. В XX век российская мусульманская община вступила динамично развивающейся, полной реформаторских идей и перспектив. Советский антирелигиозный эксперимент резко изменил эту ситуацию: начались широкомасштабные репрессии против мусульманских религиозных деятелей и институтов, сама община была практически лишена возможности общения с единоверцами по всему миру.

Постсоветский период ознаменовался не столько возрождением ислама, сколько реисламизацией: во многих регионах исламские институты были окончательно разрушены, а сама религия низведена на глубоко бытовой уровень. Катастрофическое снижение роли местных исламских центров усилило влияние иностранных, в первую очередь ближневосточных. Этот процесс объективно нарастал в течение второй половины XX – начала XXI века в связи с активизацией «исламской глобализации». Соответственно, многие тенденции, развивающиеся на Ближнем Востоке, неизбежно находят свое отражение среди российских мусульман.

Именно поэтому необходимо смотреть на российский ислам в контексте того, что происходит в ближневосточном регионе. Такой взгляд дает возможность лучше понять процессы, происходящие в российской умме, сравнивая их с теми тенденциями, которые мы наблюдаем в арабском мире. Ближний Восток в значительной мере хранит ключи к пониманию складывающейся сегодня в России исламской мозаики – радикализации и политизации некоторых общин, духовных и идейных исканий и заблуждений, распространившихся среди современных российских мусульман.

Турбулентность на Ближнем Востоке – политическая, идейная, религиозная – напрямую затронула российскую умму.

Мусульмане России, с одной стороны, пристально следят за происходящим в этой части мира. С другой стороны, они активно принимают участие в этих процессах, причем не всегда в созидательном ключе (вспомним тысячи молодых людей, присоединившихся к террористическим группировкам в Сирии и Ираке). В то же время российское мусульманское сообщество показало высокую долю устойчивости, избегая радикализации. Сегодня важно помочь мусульманам страны пережить тяжелый период трансформации так, чтобы российская часть уммы вышла из него конструктивной, сплоченной и созидательной силой, а не набором разобщенных, радикализированных и враждебных России и миру организаций.

Ислам в России: традиционная картина

На современной территории России ислам появился несколько раньше, чем православие: это был VII век, когда Арабский халифат завоевал Дербент и включил его в свой состав. Традиционно ислам в России распространялся в рамках суннитского направления. Суннизм развивался в интерпретации двух богословско-правовых толков (мазхабов): ханафитского и шафиитского. Ханафитский толк традиционно характерен для народов Поволжья, Сибири (сибирских татар) и Крыма, а также Северо-Западного Кавказа. Шафиитский толк утвердился среди народов Дагестана, Чечни и Ингушетии (за исключением ногайцев-ханафитов).

Среди мусульман России также распространен суфизм, в основном накшбандийского и кадирийского тарикатов, но в Поволжье он почти не сохранился, в отличие от Северо-Восточного Кавказа. Среди значительной части мусульман Дагестана, Чечни и Ингушетии сегодня распространен суфизм накшбандийского, кадирийского и шазилийского тарикатов.

Шиитское направление ислама в рамках современной России традиционно практически не представлено, за исключением Южного Дагестана, где шиитами имамитского толка были местные азербайджанцы и жители одного лезгинского селения – Мискинджа. Сегодня шиизм распространился за пределы традиционного ареала, особенно в крупные города страны, с мигрантами из Азербайджана, а также через обращение новых последователей.

В России, со времен императрицы Екатерины Великой, сложилась особая система государственно-исламских отношений, важным звеном которых были созданные и контролируемые государством Духовные управления мусульман. Их возглавляли назначаемые государством муфтии. Эта система с незначительными изменениями просуществовала вплоть до распада СССР. В постсоветской России система сильно изменилась: формально Духовные управления мусульман вышли из-под контроля государства, получив статус общественных организаций. Их число резко возросло, поскольку почти в каждом субъекте Федерации было создано свое Духовное управление, а в некоторых – и по два.

Сегодня действуют три крупных мусульманских центра, являющихся ориентиром для остальных ДУМ: Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ, возглавляет Верховный муфтий, шейх уль-ислам Талгат Сафа Таджуддин), Совет муфтиев России (СМР, возглавляет муфтий Духовного управления мусульман РФ Равиль Гайнутдин) и Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК, возглавляет муфтий Духовного управления мусульман КЧР Исмаил Бердиев). Первые два центра постоянно конкурируют друг с другом за влияние на общины мусульман, за исключением северокавказских, а также за звание «главного» муфтия страны. Шииты на территории России определенного центра не имеют, ориентируясь на зарубежные центры.

Изменения в российском исламе после 1985 года

После падения железного занавеса в конце 1980-х годов восстановились связи российских мусульман с единоверцами из-за рубежа, в первую очередь, из стран Ближнего Востока. Мусульмане России стали впитывать идеи, которые циркулировали в остальном исламском мире – как прогрессивные, так и агрессивные. Этому способствовало то, что за десятилетия Советской власти во многих регионах страны, населенных мусульманами, ислам практически был низведен до уровня ритуала, не имеющего идейного наполнения. Исламское образование как система было разрушено: пожалуй, такую систему, пусть и безнадежно отсталую и основанную на стандартах начала XX века, сумели сохранить только суфийские общины Дагестана, Чечни и Ингушетии.

В начале 1990-х годов распространенным способом возрождения ислама, а по факту – ре-исламизации, стало приглашение зарубежных проповедников или обучение в заграничных исламских учебных заведениях, в подавляющем большинстве, в странах Ближнего Востока и Северной Африки. С одной стороны, это вело к укреплению традиционных для некоторых регионов форм ислама, как это было в Адыгее, где зачастую проповедовали потомки адыгских мухаджиров из стран Ближнего Востока и бывшей Югославии, закрепившие традиционный для республики ханафитский толк суннитского ислама. С другой стороны, это облегчало проникновение радикальных взглядов и идей, что усиливало трения внутри мусульманских общин. Причем радикальные идеи проникали как в регионы, где исламские традиции во многих местах практически не сохранились (например, Кабардино-Балкария), так и в те регионы, где ислам имел хорошие позиции (например, Дагестан).

Уже в 1990-е годы стало понятно, что отмеченная выше традиционная картина распространения исламских направлений и толков претерпевает серьезные изменения. Внутренняя и внешняя миграции внесли в нее серьезные коррективы. Миграция людей приводила к миграции идей, которая усложняла основную картину. Изменения касались следующих моментов.

- а) *Традиционная картина распространения богословско-правовых толков ислама изменилась за счет миграции кавказцев, в первую очередь, шафиитов (представителей народов Дагестана, чеченцев и ингушей) в традиционно ханафитские регионы и складывания ханафитско-шафиитских контактных зон. Они появляются в Ногайской степи, в Ставропольском и Краснодарском краях, Адыгее, крупных городах Центральной России.*
- б) *Идет размывание гомогенности условно «кавказского» и «поволжско-татарского» культурных ареалов исламского сообщества России, а также складывание третьего, смешанного, «сибирского» культурного ареала, который формируется за счет взаимодействия различных групп мигрантов, как внутренних, так и внешних на территории нефтеносных районов Севера и в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти процессы интересны тем, что при формальном сохранении в мечетях прежних имамов и в духовных управлениях прежних муфтиев, реальный вес часто получают неформальные лидеры.*
- в) *После падения железного занавеса и прекращения изоляции российских мусульман в стране появляется множество течений и групп, которые изначально не были тут*

представлены. Вкрапления этих групп в основную массу мусульман в регионах ведет к складыванию мозаичной картины исламского поля, причем фиксируется четкая тенденция к усилению этой мозаичности.

- г) Ислам активно становится игроком не только в идеологической сфере, но и в сфере правовой, экономической, образовательной и т.д. Это приводит к таким явлениям, как, например, ситуация фактического полиюридизма в Дагестане, а также к общему сужению светского пространства на Кавказе. На бытовом уровне в некоторых районах Северного Кавказа практически господствует адат и шариат, а со светским правом люди сталкиваются достаточно редко и формально. Случается это не только в силу ускоренной исламизации населения, а в значительной мере в силу того, что светское право не работает в жизненно важных сферах. В частности, к росту применения шариатских норм во взаимоотношениях сообществ в Дагестане, например, приводит, в первую очередь, правовая неурегулированность статуса прежних земель отгонного животноводства.
- д) Духовные управления мусульман практически повсеместно вынуждены конкурировать с альтернативными общинами и неформальными исламскими центрами, притягательными для молодежи и неофитов, а также радикально и оппозиционно настроенных лиц. Кризис так называемого традиционного ислама усиливает отток молодежи в альтернативные джамааты.
- е) Широко проникшие в нашу жизнь технологии вносят коррективы в исламские сообщества, особенно молодежные. Создаются виртуальные «джамааты», члены которых могут проживать в сотнях и тысячах километров друг от друга, связанные лишь личностью своего харизматичного лидера, который также физически может находиться от них очень далеко. Эти «электронные» муфтии и имамы порой оказываются гораздо влиятельнее, чем местные формальные имамы. Этим воспользовались пропагандисты ИГ/ИГИЛ¹, сделав ставку в первую очередь на агрессивную пропаганду в сети. Отрыв от традиционной территориальной привязки мусульманских общин (джамаатов) создает ситуацию абсолютной идейной прозрачности и мобильности среди мусульман, когда внешне принадлежащий к конкретной территориальной общине мусульманин по факту может оказаться приверженцем совершенно противоположных идей.
- ж) С предыдущим тесно связан другой тренд – переход на сетевую форму организации и активизма. Сетевой активизм помогает довольно быстро распространять движение и продвигаться в самые разные, в том числе изначально неблагоприятные сообщества, как это произошло, например, в Дагестане, Чечне и Ингушетии к середине 2000-х годов. Для суфийских (или, по местной терминологии, тарикатистских) сообществ этих республик с высоким уровнем традиционализма был чужд новый вид исламской активности, предлагавшийся многими молодежными лидерами. Однако попытки противостояния с использованием карательной мощи государства не достигли цели: молодежные сетевые структуры стали неотъемлемой частью мусульманского ландшафта этих трех республик.

¹ Запрещенная в России организация. – Прим. ред.

Турбулентность на Ближнем Востоке и российский ислам

В 2000-е годы Ближний Восток переживает серьезные потрясения, как в политической, так и социально-экономической сфере. Эти потрясения тесно связаны с религиозной сферой. По сути, мы являемся свидетелями глубокого реформирования этого региона, что создает ситуацию серьезной турбулентности в странах Ближнего Востока. Политические границы здесь трещат по швам, некоторые из них де-факто и, скорее всего, практически окончательно, изменились. Все большую тревогу вызывает то, что эти изменения часто идут с опорой на конфессиональный фактор.

В самой религиозной сфере также происходят важные перемены. При активном участии Ирана идет рост влияния шиитских групп, в первую очередь, Хезбаллы, а также фактическое усиление их противостояния с суннитскими силами. Суннитско-шиитские противоречия на наших глазах набирают новую силу. Все это происходит на фоне дробления суннитских групп, раздираемых противоречиями. Все более мозаичным становится салафитское движение, крайне популярное среди суннитской молодежи. В самой Саудовской Аравии, являющейся идейным центром современного салафизма, наметилось несколько групп. Наряду с официальным ваххабизмом, здесь действуют также группы джихадистов, которые поддержали в свое время Аль-Каиду² и представлены такими известными шейхами, как аль-Макдиси и др.

Кроме того, в последнее время наметились в качестве влиятельной группы и салафиты, которые разделяют подходы известного муфтия Юсуфа аль-Карадави, близкого по взглядам к «братьям-мусульманам». Среди представителей этой группы известные не только в Саудовской Аравии, но и за ее пределами шейхи, такие как Салман аль-Ауда.

В контексте ситуации на Ближнем Востоке российский ислам также динамичен. Вслед за Ближним Востоком растет мозаичность в салафитских группах российских мусульман. Во многих российских регионах, например, в Дагестане, в связи с общей ситуацией на Ближнем Востоке и ростом соперничества между суннитскими и шиитскими державами и силами, растет активное осознание себя суннитами и симпатии к суннитским участникам конфликта.

Рост влияния политического ислама в Египте и Турции вызвало среди части салафитов России движение «хиджры», переселения на территорию с исламским правлением. Это движение вначале было направлено на Египет времен Мурси, а после падения его режима перенаправлено на Турцию с его «мягким» исламистским руководством. Масштабы этого движения часто преувеличиваются, и все же оно захватило сотни молодых мусульман, преимущественно с Северного Кавказа. Это движение обзавелось собственными сетями и инфраструктурой, которая включает службы по обустройству переселенцев, включая строительство жилья.

Упомянутое выше движение исламской эмиграции не стоит путать с другой «хиджрой» – военной, которая усилилась с 2011 года, приняв основное направление на воюющую Сирию. Оно охватило тысячи молодых мусульман со всей территории России – в значительной мере северокавказцев, но также и жителей других регионов:

² Запрещенная в России организация. – Прим. ред.

крупных городов Центральной России, российского Севера и т.д. Пик переселения с целью присоединения к различным воюющим группировкам в Сирии (со все более растущей составляющей ИГ/ИГИЛ) пришелся на 2013–2014 годы.

В 2014 г., наряду с поощрением присоединения к боевикам в Сирии, ИГ/ИГИЛ начала поводить политику по привлечению на свою сторону командиров и боевиков аффилированного с Аль-Каидой «Имарата Кавказ». К концу 2014 – началу 2015 г. эта политика стала приносить плоды: один за другим командиры основных подразделений принесли присягу самопровозглашенному «халифу» аль-Багдади. Успех в 2015 г. закрепляется объявлением о создании на Северном Кавказе «Вилаята Кавказ» как части ИГ/ИГИЛ. В конце 2015 – начале 2016 г. террористы из этого объединения провели уже четыре теракта на территории Дагестана, в основном на юге республики. При этом стоит обратить внимание на то, что активизация поменявших террористический «бренд» боевиков на Северном Кавказе наступает практически сразу после поступления сведений о налаживании их финансирования с Ближнего Востока. Настораживает еще и то, что в арсенал боевиков возвращаются такие уже практически забытые на Северном Кавказе методы, как атаки на колонны.

Не стоит также забывать, что прилив новых боевиков из России на Ближний Восток обеспечивает не только интернет-пропаганда, но и налаженная вербовочная сеть. Эта сеть на сегодня опутала территорию Северного Кавказа и других регионов страны, включая крупные города и газо- и нефтеносный Север. Одна из неясных опасностей этой сети состоит в том, что она с легкостью может быть переориентирована на достижение террористических целей, т.е. сегодняшней вербовщик является потенциальным террористом.

Сирийский кризис, как уже было отмечено, вызывает беспокойство среди суннитского большинства в России. Это выражается как ростом суннитской солидарности, не ведущей к активным действиям, так и присоединением к числу боевиков. Последнее необходимо иметь в виду, хотя и не стоит преувеличивать: даже самые смелые оценки количества присоединившихся к различным группировкам в Сирии российских граждан охватывают сотые доли процента всех мусульман страны.

Пути решения проблем

Итак, несмотря на известную автономность российских исламских сообществ, события на Ближнем Востоке оказывают на них серьезное влияние. Динамика этих процессов противоречива: с одной стороны, мы наблюдаем отрицательные тенденции в виде создания филиала ИГ/ИГИЛ на Северном Кавказе, с другой стороны – усложняющаяся картина российского ислама создает условия для более активного вовлечения официальных лидеров мусульман в дела местных общин.

Россия, доля мусульман в населении которой составляет около 15%, может полнее использовать этот потенциал для продвижения своих интересов как на Ближнем Востоке, так и в целом в странах исламского мира. Ближневосточные события и операция российских ВКС в Сирии были использованы разными игроками для пропагандистского противодействия через изображение России как участника «шиитско-православной» коалиции против суннитов. Для России, подавляющее большинство мусульман которой относятся к суннитскому направлению ислама, такой навязываемый имидж опасен и вреден. Однако не нужно спешить примерять на себя роль защитников суннитов по всему миру в ущерб установившимся доверительным отношениям с несуннитскими силами. У России есть уникальная возможность стать нейтральным игроком на этом поле и принять на себя роль неангажированного посредника в сложных и противоречивых ближневосточных политических процессах. Именно эта равноудаленная позиция является для нашей страны наиболее выигрышной с точки зрения ее интересов и интересов российских мусульман.

Сейчас крайне важно почувствовать динамику процессов, происходящих с исламом в России. Исламское сообщество нашей страны находится в состоянии противоречивой трансформации, результаты которой все еще неочевидны. Происходящее вслед за Ближним Востоком усложнение исламской мозаики в России, в свою очередь, создает сложности для государства, которое не привыкло иметь дело с такой фрагментацией мировой религии, достаточно рано структурированной им для облегчения взаимодействия путем создания духовных управлений мусульман (муфтиятов). После распада СССР реально авторитетными остались лишь несколько муфтиятов – остальные переживают острую конкуренцию со стороны неформальных мусульманских лидеров, отсутствие официального статуса у которых является препятствием для нормального взаимодействия государства с возглавляемыми ими сообществами.

Сегодня весьма актуальна проблема выработки четких подходов в религиозной политике государства, учитывающих динамику происходящих в исламском сообществе процессов и фактическую мозаичность его состава. Переживающая глубокий кризис система духовных управлений мусульман больше не может быть единственной опорой государства и исключительным выразителем воли и чаяний мусульман страны. Для того, чтобы конструктивно взаимодействовать с как можно большим числом мусульманских общин, нужно найти возможности интеграции в систему государственно-исламских отношений, не входящих в духовные управления джамаатов. Это не значит, что от системы духовных управлений необходимо отказываться. Они охватывают свою часть исламского поля страны, и этот потенциал нужно продолжать использовать. Вопрос лишь в том, чтобы привлекать к сотрудничеству другую, все более растущую часть исламского поля, долгое время остававшуюся за пределами партнерских взаимоотношений из-за отсутствия официального статуса.

Как этого добиться без ущерба уже устоявшемуся взаимодействию государства с традиционными структурами российских мусульман? Очевидно, что только через усиление внутриисламского диалога и сотрудничества, когда разнообразные общины мусульман и их лидеры будут воспринимать друг друга не как соперников, а как партнеров.

Единственным критерием, по которому государство может отказывать мусульманским лидерам и общинам в легитимности, должна быть приверженность экстремистским идеям вооруженной борьбы с Российским государством и отрицание его конституционного строя. Те же лидеры и общины, которые не занимаются распространением подобной идеологии и экстремистской деятельностью, должны быть партнерами государства – наряду с традиционными лидерами и структурами.

Опыт 1990-х годов показал, что соперничество между разными мусульманскими лидерами и общинами шло в основном по вопросу лидерства и власти. Одним из путей снижения конфликтности в мусульманских сообществах регионов может стать усиление коллегиальности в муфтиятах с включением в советы мусульманских ученых при духовных управлениях и неформальных мусульманских лидеров. Примеры успешного использования этого принципа, которые вели к снижению конфликтности и интеграции неформальных лидеров в систему государственно-исламских отношений, есть, и их надо широко использовать на практике. Так, именно благодаря такой политике муфтия Адыгеи и Краснодарского края Нурбия Емижа в самом начале 2000-х годов там, в отличие от Кабардино-Балкарии, удалось избежать конфликтного варианта развития событий. Богатый опыт в этом отношении накоплен также и в Совете муфтиев России во главе с Равилем Гайнутдином.

В целом же последовательная импликация принципа равноудаленности государства от всех организаций мусульман должна помочь в утверждении принципов светскости, которые в реалиях некоторых районов Северного Кавказа серьезно пошатнулись. Запреты и репрессии в этой сфере не помогут. Одним из самых действенных путей представляется активное включение государства в сферу правовой конкуренции. Если мусульмане увидят, что светское право предлагает справедливое решение, например, земельных проблем, то они не будут пытаться применять шариатские нормы, тем более, что до сих пор здесь нет сильных знатоков исламского права. Именно такой путь сужения применения обычного и религиозного права и расширения применения светского права видится наиболее реалистичным.

В связи с последними изменениями на Ближнем Востоке, когда ИГ/ИГИЛ темят по всем направлениям, и это террористическое образование активизирует свою деятельность по развитию своих международных сетей, крайне важно не допустить усиления действующего в нашей стране террористического подполья. Вместо «Имарата Кавказ» на Северном Кавказе становится актуальной новая террористическая группировка, входящая в провозглашенную ИГ/ИГИЛ «Провинцию Кавказ», которая уже получает финансирование с Ближнего Востока. И хотя количество активных боевиков мало, череда террористических атак в Дагестане с конца 2015 г. показала, что они стремятся развернуть террористическую войну против России на ее территории под новым «брендом». Не стоит также забывать о вербовочной сети ИГ/ИГИЛ, которая опутала всю территорию России, и которая с легкостью может быть преобразована в сеть террористическую. Иными словами, перед возможными террористическими актами уязвимы не только республики Северного Кавказа, но и другие регионы России, особенно крупные города, а также нефтеносные регионы российского Севера. Выявление и ликвидация вербовочных сетей и «спящих» ячеек терро-

ристов, наряду с перекрытием их финансирования, представляется одной из важнейших задач на сегодня.

Для налаживания и координации террористической активности на территории России ИГ/ИГИЛ может предпринимать конкретные шаги. В первую очередь, это уже отмеченное нами финансирование присягнувших группировок. Другое опасное направление – это возврат части боевиков с Ближнего Востока на территорию России. Их опыт и навыки, полученные в ходе участия в боях, а также знание российской специфики, сохранившиеся связи в местных террористических сетях слишком ценны, чтобы ИГ не попыталось этим воспользоваться. Устанавливать заслоны на их пути необходимо по всем возможным направлениям, в том числе, и в тесном сотрудничестве с теми самыми «нетрадиционными» общинами мусульман.

Одновременно встает вопрос о реинтеграции успешных вернуться с Ближнего Востока российских граждан. Это очень сложный и болезненный вопрос. Очевидно, что значительная часть возвратившихся из ИГ/ИГИЛ молодых мусульман – это действительно разочаровавшиеся люди, искренне сожалеющие о своем ошибочном выборе. И все же среди них есть и те, кто может прийти с совершенно определенными целями: налаживать сеть сторонников ИГ/ИГИЛ и даже просто создавать так называемую спящую ячейку, которая может сработать в нужный момент.

В направлении реинтеграции вернувшихся из ИГ/ИГИЛ молодых людей необходимо тщательно изучить опыт адаптационных комиссий, официально действовавших на Северном Кавказе при государственных структурах. Эти структуры занимались возвращением молодых людей из «леса» и адаптацией к мирной жизни. Наиболее результативно комиссии действовали, видимо, в Дагестане и Ингушетии, где удалось вернуть и адаптировать к мирной жизни десятки молодых людей, не успевших запятнать себя кровью. Возможно, такого рода комиссию по адаптации следовало бы создать на федеральном уровне, поскольку вербовка в ИГ/ИГИЛ, к сожалению, охватила территорию всей страны.

Если говорить о методах возвращения к мирной жизни, то в первую очередь необходимо прекратить практику выдавливания из страны на Ближний Восток радикальных мусульман. Тактически верная методика, позитивно сработавшая перед Олимпиадой в Сочи, стратегически ошибочна и способна нанести России много вреда. Выходцы из России пользуются большим спросом как боевая сила, они получают опыт и выучку, которые могут быть использованы затем уже непосредственно против нашей страны. Кроме того, поощряя отъезд радикально настроенных молодых людей, мы можем косвенно способствовать усилению террористических группировок, пополняя их необходимой живой силой.

Радикальные мусульмане из России также концентрируются в разных странах Ближнего Востока, представляя собой потенциальную религиозно-политическую силу, явно не страдающую симпатиями к нашей стране. Надо сосредоточиться на дерадикализации мусульманской молодежи. Успеха в этом направлении можно добиться только комплексными мерами, которые не ограничиваются формальными мероприятиями, а касаются значимых для молодых людей сфер, в том числе – и социально-экономической.

#Valdaiclub

 Valdai Club

 Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ